

СЫН РОССИИ

А.М.Горький в своё время сказал: «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое – более всего много – заслужено человеком».

Эти слова, на мой взгляд, в полной мере можно отнести и к Е.А.Евтушенко, ушедшему из жизни 1 апреля 2017 года за три с половиной месяца до своего 85-летия. В 2013 году перенёс сложнейшую операцию по ампутации правой ноги. Согласно последней воле, похоронен 11 апреля на Переделкинском кладбище в Москве рядом с могилой Б.Пастернака.

Более жизнелюбивого и жизнестойкого человека назвать не могу. Не могу назвать поэта, к судьбе и творчеству которого было бы приковано такое пристальное внимание, о котором не было бы столько самых противоречивых слухов и домыслов, иногда нелепых и оскорбительных, сплетен, клеветы, суждений и осуждений, а также восхищений и восторгов. В его творческой биографии сотни изданных книг на 72-х языках мира, включение во все современные энциклопедии и антологии, ордена, премии, профессорские и академические мантии, признание великих.

Евтушенко был сильным, мужественным человеком, и в то же время ранимым, уязвимым, а порой беззащитным. Для поэта это естественно. Будь он другим, не оставил бы нам своих неповторимых по звучанию, по глубине проникновения в существо жизни, по нравственной высоте, по исповедальности поэм, стихов, романов, публицистики.

Он говорил о непростой ситуации с Бродским, которого вытаскивал из ссылки: «Это самая большая рана, мне нанесённая когда-либо». Но Евтушенко выполнял «поручение от Бога» (как определил миссию поэта на земле Е.Баратынский), простил и это, написав 26 февраля 2004 года в стихотворении памяти Бродского:

Как же так получилось оно?
Кто натравливал брата на брата?
Что – двоим и в России тесно?
И в Америке тесновато?

В стихотворении «Со мною вот что происходит», как вы помните, есть строфа: *И наш разлад необъясним, / Мы оба мучаемся с ним*».

Евтушенко в своих стихах много и часто обращается к Богу (достаточно вспомнить стихотворение «Дай, Бог» и другие), и в контексте выше сказанного приведу такую строфу:

И у Бога ошибок много –
Иногда... от его доброты.
Не суди нас, Господь, слишком строго,
но не будь всепрощающим ты.

Евтушенко в одном телеинтервью сказал: «У меня в литературе нет врагов. Даже у Куняева есть хорошее стихотворение, которое я включил в «Строфы века»... *И прочитал своё стихотворение, где есть строка: «Ненависть я с детства ненавижу...»*».

Е.Евтушенко был абсолютно, всецело творческим человеком, человеком-поэтом, беззаветно, преданно и верно служившим лишь одному – Его Величеству Искусству.

Искусство, как тонюсенькая нитка,
связует разведённые мосты.
Единственная, может быть, попытка
смерть победить, искусство – это ты. *Это из стихотворения «Анна Ахматова»*

Конечно, он был противоречивой фигурой. Пишет: «Дай Бог не вляпаться во власть...», но становится народным депутатом. Правда, потом это объясняет тем, что решил таким образом бороться против войны в Афганистане. Но об этом чуть ниже, из первых, как говорится, уст.

1 мая 1953 г. в «Литературной газете» на первой полосе было опубликовано стихотворение 20-летнего Е.Евтушенко «Признание», где уже виден его неповторимый литературный стиль, форма, слышен ни с чем не сравнимый поэтический голос:

Ищи любовь. Ищи, других не слушая.
Не возлагай надежд на помощь случая.
Она приходит, вдохновеньем радуя,
за всё, чем в жизни дышишь ты, - наградою!
Своим трудом, любой своей победою
её ты ищешь, сам того не ведая!..

Моя встреча с Евгением Александровичем произошла 26 декабря 2005 года во время его приезда в Рыбинск, где он выступал в местном драмтеатре. Было два отделения с антрактом, поэт читал стихи разных лет. После концерта, когда разошлись чиновники, руководители Рыбинска, зашли в кабинет директора, познакомились, поговорили. Поэт рассказал о своей первой любви к Елене Зятковской, когда та приехала из Рыбинска в Москву поступать в театральный институт. Любовь была, как говорил сам Евгений Александрович, просто безумной. Ей было 19, ему 16 лет. Но пришла пора расстаться, разлуку оба переносили тяжело. Ежедневные письма, телефонные звонки, стихи, не теряли надежды на встречу. Не случилось. Но чувства не сгорели дотла, остались в душе. Даже из Америки как-то звонил в театр, где потом работала девушка, узнавал судьбу Елены. Говорят, хорошая была актриса, потом уехала в Одессу, след затерялся. Кстати, Елена Аркадьевна свою внучку назвала Евгенией, что вряд ли простая случайность.

В ту нашу двенадцатилетней давности встречу меня сильно удивило то, как держался, как вёл себя Евтушенко. Есенин вспоминал: «Когда я стоял перед Блоком, с меня капал пот, - я впервые видел живого поэта». Поначалу и со мной было нечто подобное. Но открытость и простота мастера, его добросердечие быстро устранили весь напряг, развеяли все сомнения и опасения. Разговор шёл на равных, вернее, Евгений Александрович сделал всё, чтобы никаких чинов и званий, восклицаний и прочей мишуры. Откровенно говоря, неожиданно для себя вдруг почувствовал какую-то близость к этому красивому и мощному во всех отношениях человеку, какое-то душевное притяжение. Может, и у Евгения Александровича возникло что-то подобное, поскольку встреча была довольно продолжительной и необычайно тёплой. И автограф он мне оставил, которым горжусь, - пусть это даже простая вежливость и, как говорится, аванс.

С тех пор так и ношу в душе эту тихую радость от нашей встречи, с неизбывным интересом читаю всё, что связано с его жизнью и творчеством, собираю книги, выписываю цитаты, не стесняюсь говорить о нём как о своём кумире. Это мой нравственный ориентир, непререкаемый авторитет. Поэтому прошу меня извинить, если в моих словах прозвучит некий пафос.

Кстати, как я потом заметил, он также просто и естественно вёл себя и с американским президентом, и с генеральным секретарём ЦК КПСС, с Фиделем Кастро и Че Геварой, с Папой Римским и Анджеем Вайдой, с Гагариным, М.Шагалом и Пикассо, с рабочим и академиком, шахтёром и рыбаком, с охотником и старателем, беседуя в тиши высоких

кабинетов и выступая на стадионах и площадях перед многотысячной аудиторией. На одном из своих творческих вечеров в Останкинской телестудии сказал: «Я побывал в девяноста странах мира и берусь утверждать: нет плохих или хороших народов, есть плохие и хорошие люди. Хороших неизмеримо больше».

Я всё-таки отыскал в своём архиве тетрадку с записями той встречи. Евгений Александрович тогда неожиданно сказал: «Знаете, наверное, песню: «А кавалеров мне вполне хватает, но нет любви хорошей у меня»? Кто написал?». Я возьми да ляпни: «Народная песня». «Вот, - как бы обрадовавшись, говорит Евтушенко, - многие так думают. А песню написал ваш покорный слуга. Слова пришлись людям по душе и ушли, как говорится, в народ». Ещё он сказал: «Я зарекался ходить в политику. Это не дело для поэта. Но когда предложили пойти в народные депутаты СССР, пошёл. Знаете почему? Потому что у меня было две цели: прекратить существование позорных выездных комиссий и остановить войну в Афганистане. Я бился насмерть над этими двумя задачами. Помню, как нас с Муслимом Магомаевым эти комиссии не пустили за границу – не ответили на какие-то дурацкие вопросы, то есть оказались не достаточно политически подкованы. Что может быть унижительнее! Человек должен иметь возможность сравнивать свою страну с другими, иначе появляется ложная гордость, человек замыкается в себе. Признаюсь, я всегда был одного умозаключения: я – социал-идеалист, верю не в идеологию, а в идею, которую способна родить только творческая личность. Из наиболее ярких и радостных событий в своей жизни последнего времени назвал бы то, что сразу несколько международных общественных организаций выдвинули меня на соискание Нобелевской премии, причём в двух номинациях – в области литературы и премии Мира». В конце беседы на вопрос Людмилы ответил так: «Я женат четвёртым браком. А это значит, что в моей жизни было четыре огромные любви. От четырёх браков растут пять сыновей. Младший Женька унаследовал мой дар, неплохо пишет стихи, а вот Саша хорошо читает. Есть ещё Пётр, Антон и Дмитрий. Старшие ближе к современной технике. Но главное, что они дружат между собой, осознавая своё кровное родство, мне это сильно нравится».

В творческой биографии Е.Евтушенко сотни изданных книг на 72 языках мира, включение во все современные энциклопедии, ордена, премии, профессорские и академические мантии, признание великих. Он истинный полпред отечественной литературы, великого русского художественного слова во всех странах земного шара.

В стихотворении, посвящённом В.Соколову, у него есть такие слова: *Висели Сталинские портреты, / зато какие были поэты!* Это двустишие я взял эпиграфом к своему стихотворению, которое вошло в книгу «По набережной Леты». Оно так и называется – «Евтушенко, хотя вернее было бы назвать «Разговор с книготорговцем»:

Книги в модной когда-то стенке,
Как в застенке. Хозяин строг:
- Да, у раннего Евтушенко
Есть немало великих строк.

Впрочем, поздний, конечно, тоже...
Не торгуйся, бери у нас,
В магазине-то он дороже,
Всё дороже у нас сейчас.

Вот две строчки, а жизнь в них целая,
Бесконечно читать могу:
«Ты большая в любви. Ты смелая.
Я – робею на каждом шагу».

Не нужны здесь разбор, анализ...
Да, с дантесовской пулей в груди
Все поэты у нас рождались, -
В этом прав он, как не суди.

«Прикандален» к России, к слову
Поэтическому навек...
- Он и в жизни такой же, к слову,
Интереснейший человек!

- Вы знакомы?
- Знаком немножко.
- Даром книжку тогда бери.
...Вновь читаю, пока в окошко
Не проклюнется луч зари.

Е.Евтушенко – единственный поэт, который спасает меня от немоты. Когда не пишется, беру ту или иную книгу великого русского поэта, и порой не могу дочитать стихотворение до конца, чувствую брожение строки, которую срочно надо положить на бумагу. То есть его художественный, творческий потенциал настолько велик, что передаётся через книжные страницы. Впрочем, я говорю, конечно, только о себе. Евтушенко сыграл в моей творческой судьбе огромную роль. Несколько раз разговаривали по телефону. Как-то мне всегда удавалось застать его в Москве. Однажды по простоте души пригласил его приехать на Некрасовский праздник поэзии в Карабиху. Он сказал: «Времени совсем нет. Но я приеду, правда, с одним условием: никого из других поэтов быть не должно, и артистов тоже, никакой подтанцовки. Я привезу свою программу». Конечно, он знал себе цену. В «Карабихе» меня не поддержали, вернее, не услышали. Пригласили Пеленягре, который превратил праздник поэзии в дискотеку. Последний разговор состоялся три года назад. Позвонил на удачу, и он неожиданно снял трубку. Сказал, как всегда: «Привет, тёзка!», был спокоен, но чем-то, мне показалось, озабочен и даже удручён. Я готовил тогда новую книгу и попросил у него написать предисловие. Он согласился, задал два-три вопроса, а затем говорит: «Я напишу, но ты подумай, нужны ли тебе эти подпорки? Книга-то, вроде, и без того получается». Это было для меня столь неожиданно – я никогда над этим вопросом не задумывался – что на какое-то время потерял дар речи. И услышал в трубке: «Нет, ты присылай рукопись, но подумай». Я подумал, и с тех пор никаких предисловий к своим книжкам не ставлю. Правда, для других пишу их часто, и не считаю это чем-то предосудительным.

На моём столе постоянно лежит та или иная книга Евтушенко, - читаю, выписываю цитаты, целые стихи. Вот, например:

* * *

Поэт в нашем веке – он сам этот век.
Все страны на нём словно раны.
Поэт – океанское кладбище всех,
кто в бронзе и кто безымянны.

О поэзии у разных поэтов сказано много, а вот как у Евтушенко:

Поэзия – великая держава...
Империй власть, сходящая с ума,
Ей столько раз распадом угрожала,
Но распадалась всё-таки сама...

Поэзия, твоя столица – Пушкин
С московской сумасшедшинкой грехов,
Звонящий над толпой спешащих, пьющих
Церквами белокаменных стихов.

Вот город Лермонтов под бледными звездами
Темнеет в стуках капель и подков
Трагическими очерками зданий,
Иронией молчащих тупиков.

Село Есенино сквозь тихие берёзки
Глядит в далёкость утренних дорог.
Гудит, дымится город Маяковский,
Заснежен, строг и страстен город Блок.

В твоей стране, на первый взгляд беспечной,
Поэзия, - и кровь и слёзы вдов,
И Пастернак, как пригород твой вечный
У будущих великих городов.

В этом году вышла книга Б.Мессерера «Промельк Беллы», приуроченная к юбилею выдающегося поэта современности. Борис Асафович очень точно озаглавил книгу о любимой женщине. «Быстрый промельк моховой» - строка из любимого Беллой Ахатовной стихотворения Б.Пастернака «Никого не будет в доме», очевидно, послужила ему поводом именно так озаглавить сразу ставшую бестселлером книгу. Вот и о жизни Евгения Евтушенко можно так же сказать – промельк Евтушенко. Промельк, словно след пролетевшей кометы.

ПАМЯТИ Е. ЕВТУШЕНКО

*Поэты молодеют, умирая.
Смерть – это смерть для нравственных калек,
а смерть поэта – молодость вторая,
вторая жизнь – теперь уже на век.*
Е.А.Евтушенко

Евгений Александрович, пока
Сердца для чести живы и мы сами,
Вы с нами, в нас – поэмами, стихами
И музыкой, летящей сквозь века.

Евгений Александрович, теперь,
Когда не стало вас на этом свете,
Мы за строку вдвойне, втройне в ответе,
Но ваш уход – потеря из потерь.

Евгений Александрович, на вас
Нельзя быть даже чуточку похожим,
Вы весело весенним днём погожим
Ушли прямой дорогой на Парнас.

Евгений Александрович, туда
Вас взял Господь. Отныне ваше слово
Для нас всегда, всё время будет ново,
Оно пришло на землю навсегда.

Евгений Александрович, побед
И поражений в жизни было много.
Сказать лишь может тот, кто слышит Бога:
«Поэт в России больше, чем поэт».

Я не исключаю, что вскоре рост поэтической аудитории пойдёт в обратном направлении, к «неслыханной простоте», как говорил Пастернак, и тогда заново будет услышан Евтушенко. Ведь, прочитав где-нибудь эти строки, можно не искать в Интернете ссылки на авторство:

Идут белые снеги,
как по нитке скользя...
жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя.

Чьи-то души бесследно,
растворяясь вдали,
словно белые снеги,
идут в небо с земли...

Евгений ГУСЕВ,
член Союза писателей России